

РАЗДЕЛ 4. ТЕКСТ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

УДК 8'80'808.1

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ ЯЗЫКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аюпова С. Б., Гюнеш Б.

Ататюркский университет, г. Эрзурум, Турция

В статье ставится проблема категоризации языковой художественной картины мира. Цель работы состоит в выявлении принципов описания структурно-семантических категорий пространства и времени художественного произведения, в выделении системы языковых средств, участвующих в формировании важнейших компонентов художественной картины мира. Подход к категориям пространства и времени с позиций структурно-семантического направления как к многоаспектным явлениям позволяет дать комплексное, системное их описание, выявить закономерности их функционирования в художественном тексте, особенности пространственного и временного моделирования художественной действительности в языковой художественной картине мира.

Ключевые слова: языковая художественная картина мира, И. С. Тургенев, пространство, время.

Постановка проблемы. Соотношение языка и мышления, создание человеком картины мира тесно связаны с категоризацией человеком (в том числе языковой категоризацией) окружающей действительности. Неслучайно такие понятия, как бытие, мышление, язык и категория в трудах многих философов, начиная с античности, располагаются в одной смысловой плоскости или даже не различаются. Результаты познавательного отношения человека к миру и к себе, категоризации действительности находят свое реальное воплощение в системе категорий, в языковых механизмах их формирования. Поэтому осмысление действительности, создание картины мира человеком (в том числе и языковой художественной) невозможно без опоры на категорию.

В статье ставится проблема категоризации языковой художественной картины мира.

Цель работы состоит в выявлении принципов описания структурно-семантических категорий пространства и времени художественного произведения, в выделении системы языковых средств, участвующих в формировании важнейших компонентов художественной картины мира.

Семантика пространства и времени имеет разнообразные средства выражения на всех уровнях языковой системы, поэтому под пространством и временем понимаем структурно-семантические категории. Существует несколько возможностей их описания. Традиционно оно начинается с моделей, которые чаще всего представлены в виде лексико-семантических полей. Интерес к моделям пространства и времени в

языке и речи проявляли многие учёные (Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова, В. Г. Гак, В. В. Морковкин, Л. Г. Панова, Ж. П. Соколовская и др.), но ни одна из моделей не стала общепринятой. Вследствие многоаспектности и сложности самих явлений исследователи выделили свыше 30 пространственных и более 20 временных параметров. При этом большинство авторов, изучавших отражение пространства и времени в лексике, сосредоточивали свое внимание на парадигматических особенностях номинаций: на лексико-семантических дихотомиях полей пространства и времени и на ориентационных метафорических моделях.

Возможны и другие пути изучения категорий пространства и времени. Для их описания необходимо учитывать системность естественного языка. Система языка, являющаяся упорядоченной совокупностью «взаимосвязанных и взаимодействующих единиц языка, выступающих как целостное образование» [4, с. 3], требует, во-первых, учёта языковых средств разных уровней при изучении категорий. Во-вторых, одной из важнейших особенностей языковой системы является то, что это «целостное образование, для которого характерна статичность связи компонентов, не исключающая, однако, динамики развития. Статика держит систему, а динамика осуществляет ее развитие» [4, с. 3]. Организация структурно-семантических категорий пространства и времени изоморфна организации языковой системы. Статика и динамика образуют оппозицию, на основе которой категории строятся и функционируют в художественном тексте.

Наш подход к описанию категорий пространства и времени основывается на постулатах структурно-семантического направления, сформулированных В. В. Бабайцевой [3, с. 457], позволяющих провести комплексный анализ языковых средств выражения категорий пространства и времени в языковой художественной картине мира в их системных связях и отношениях.

На первом этапе описания средства выражения категорий разделяем на две группы: статические и динамические. Затем, принимая во внимания, что слова разных частей речи обладают специфическими особенностями отражения пространственного и временного членения мира, учитываем категориальные частеречные значения слов. Слова с пространственной (локони́мы) и временной (хронони́мы) семантикой, относящиеся к одной части речи, распределяем на тематические группы. Ранг каждой из них устанавливаем в соответствии с принципом частотности, так как частотные ключевые слова текста отражают «особую значимость для авторского сознания обозначаемых ими понятий в аспекте их семантических трансформаций, сочетаемости и позиционного распределения» [6, с. 167]. Поскольку динамика и статика пространства и времени, выбор языковых средств часто определяются типами текста, учитываем и эти важнейшие составляющие художественного прозаического произведения.

В языковой художественной картине мира И. С. Тургенева статика пространства превышает его динамику. Напротив, время динамично: номинаций, обозначающих прекращение длительности, сравнительно немного. В произведениях писателя статика – динамика пространства и времени создаётся за счёт частеречного значения локонимов и хрононимов. Основу мироздания – статичное пространство в художественной прозе И.С. Тургенева – сформировали существительные, служащие

для отграничения предметов в пространстве или обозначающие конкретное место. Развитие, изменение в этом мире происходят благодаря динамике времени и перемещению в пространстве. Глаголы соотносят действие с моментом речи и пределом, длительностью или кратковременностью. Они обозначают фазы действия, повторяемость, последовательность событий, а также намечают трассу перемещения.

Лексические значения, накладываясь на частеречные, наполняют категории пространства и времени разнообразием, конкретизируют их, участвуют в их структурировании.

Статика пространства создаётся за счёт существительных со значением места – это каркас, формирующий вымышленный мир художественной прозы. Он устроен по центробежному принципу: его вектор направлен от самых частотных номинаций группы ‘здание и помещение’ (слово *дом* встретилось в прозе 524 раза) через номинации с высоким рангом частотности из групп ‘объекты ландшафта’ и ‘объекты административно-политического членения территории’ (самые частотные из них слова *дорога* – 263, *земля* – 244, *город* – 223 употребления) к менее частотным словам, называемым ‘общие пространственные понятия’ (абстрактное слово *пространство* употреблено в художественной прозе писателя 12 раз).

В категории времени динамика как её сущность находит своё воплощение в прозе И. С. Тургенева в сочетании линейной, исторической и циклической моделей. Наблюдения над синтагматикой частотного ключевого слова *время* (394 употребления) показывает, что в художественной прозе И. С. Тургенева линейное время концептуализируется как разрушительная, враждебная человеку сила, как вечное движение, заключающее в себе всё разнообразие жизни, поэтому оно получает в романах неоднозначную оценку. Линейная модель характеризуется субъективностью (*Время (дело известное) летит иногда птицей, иногда ползет червяком; но человеку бывает особенно хорошо тогда, когда он даже не замечает – скоро ли, тихо ли оно проходит.* «Отцы и дети»), неопределённостью (*А мне двадцать. Еще много времени впереди.* «Накануне») и многоплановостью (*Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...* «Отцы и дети»). С помощью исторической модели писатель выстраивает временную ось от Рюрика до XX в. Сравнивая в романе «Новь» Фомушку и Фимушку, образ жизни которых соответствует XVIII в., с купцом Галушкиным, играющим роль передового человека, писатель соотносит дельца с XX в. и устами Паклина даёт ему отрицательную оценку (*– Ну что ж! – начал первый Паклин. – Были в XVIII веке – валяй теперь прямо в XX-й. Голушкин такой передовой человек, что его в XIX считать неприлично <...>. Только та чепуха, чепуха XVIII века, ближе к русской сути, чем этот XX век.*). Циклическая модель в прозе И. С. Тургенева вписывается в космологический цикл за счёт использования номинаций со значением годовых или суточных единиц времени, слов со значением повторяемости, сочетаний слова *время* с существительными в родительном падеже или с прилагательными, имплицитными представлением о длительности того или иного периода, о его месте в общем цикле (*во время обедов и ужинов, к обеденному времени, во время обедни*) или о части дня, года, связанной

с какими-либо явлениями природы (*время вечера, время дня, летнее время, красное время*).

К лексическим средствам выражения пространства и времени тесно примыкают лексико-грамматические. Особенность субкатегориальной семы нарицательных конкретных существительных (обозначение целых классов объектов, которые могут употребляться в формах единственного и множественного числа) помогает соединить в одном имени две противоположные тенденции: типизацию и конкретизацию в пространственном оформлении вымышленного мира. Топонимы, называющие единичный объект пространства, включают в своё содержание целый комплекс реально-энциклопедических или вымышленно-художественных знаний о нём и индивидуализируют отдельные пространственные образы. Они используются в языковой художественной картине мира И. С. Тургенева в миромоделирующей, мистифицирующей, ориентационной, сюжетообразующей, биографической, характерологической и оценочной функциях [1; 2].

Значительная часть номинаций административно-политических территориальных единиц служит для создания плоскостной составляющей пространства. Локонимы, относящиеся к России, к ее городам (с самыми частотными топонимами *Москва* и *Петербург*), деревням, сёлам, губерниям и уездам, регионам страны, улицам населённых пунктов, занимают центральное место на административно-политической карте языковой художественной картины мира И. С. Тургенева, не совпадающей с реальной. В стихотворении главного героя из романа «Новь» эта карта представлена в аллегорическом образе благодаря использованию в одном контексте нарицательных и собственных существительных, обозначающих страну (*отчизна, Русь*), её регион (*Кавказ*), географическое понятие (*полюс*): *И, штоф с очищенной всей пятерней сжимая, / Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ, / Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!* Плоскостная протяжённость мира увеличивается за счёт имен собственных городов, входящих в пространство таких стран, как Германия, Италия, Франция, Болгария, Англия.

Существительные со значением времени чаще всего являются нарицательными конкретными, что позволило творцу художественной действительности придать отвлечённой философской категории яркость, конкретность, неоднозначность, создать амбивалентный образ времени, сочетающий в себе линейное, историческое и циклическое движение. Единичные собственные существительные, обозначающие церковные праздники, не играют значимой роли в произведениях писателя и служат точкой отсчёта для обозначения событий частной жизни персонажа (*– Давно вы эту мельницу сняли? – Второй год пошёл с Троицына дня. «Ермолай и мельничиха»*).

В выражении категорий пространства и времени участвуют и разнообразные грамматические категории (например, категория числа). В прозе И. С. Тургенева большинство локонимов и хрононимов имеет формы единственного и множественного числа. При этом сингулярных форм больше, чем плюралных.

Локонимы в форме единственного числа со значением единичности используются в важнейших для художественной прозы И. С. Тургенева функциях. Благодаря отграничительно-выделительной функции многие из этих словоформ локализируют действие в конкретном объекте пространства, выделяя его из множества однотип-

ных мест (*Странная игра случая занесла меня наконец в дом одного из моих профессоров* <...>. «Гамлет Щигровского уезда»). Формы единственного числа локонимов с обобщённо-собирательным значением придают пространству типичные черты. Например, в рассказе «Бирюк» изба главного героя имеет характерные признаки жилья лесника и крестьянина. Неслучайно описание строения начинается со словосочетания *изба лесника*, а завершается обобщением: *не весело войти ночью в мужицкую избу*. Важной является миромоделирующая функция локонимов в форме единственного и множественного числа. Существительные, представленные в следующих друг за другом предложениях связанного текста, помогают создать из отдельных объектов пространства цельные природные, сельские, городские, космические пейзажи – мир, окружающий героев произведений. Масштаб изображаемого зависит и от форм числа существительных с пространственной семой. При описании местности с использованием сингулярных форм существительных возникает имеющий границы мир небольшого масштаба, который включает в себя совокупность отдельных пространственных объектов, располагающихся по вертикали, горизонтали и плоскости: *Я быстро отдёргнул занесённую ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали ее течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька*. «Бежин луг». За счёт плюральных форм локонимов, сосредоточенных в одном контексте, масштаб изображаемого мира увеличивается: *Круглые, низкие холмы, распаханые и засеянные доверху, разбегаются широкими волнами; заросшие кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшие рощи; от деревни до деревни бегут узкие дорожки; церкви белеют; между лозинками сверкает речка, в четырёх местах перехваченная плотинами; далеко в поле гуськом торчат драхвы; старенький господский дом со своими службами, фруктовым садом и гумном приютился к небольшому пруду*. «Лес и степь».

Для многих форм множественного числа локонимов в художественной прозе И. С. Тургенева характерна функция пространственной гиперболизации. Одно существительное, обозначающее объект закрытого пространства, способно увеличить границы пространства до размера населённого пункта. Так, изобразить ужас, который охватывает деревню при появлении в ней помещика, помогает форма множественного числа избы: *Мальчишки в длинных рубашонках с воплем бежали в избы, ложились брюхом на высокий порог, свешивали головы, закидывали ноги кверху и таким образом весьма проворно перекатывались за дверь, в темные сени, откуда уже и не показывались*. «Бурмистр».

Большинство хронимов используется в значении единичности, помогая автору вписать промежутки времени, единицы их измерения в разные модели времени: в линейную (*Час спустя он уже отправился в Васильевское, а два часа спустя Вар-*

вара Павловна велела нанять себе лучшую карету в городе <...> и отправилась к Калитиным. «Дворянское гнездо»), в историческую (Только, извините меня, ваше замечание напоминает мне торжествующие указания наших несчастных журнальцев во **время Крымской кампании** <...>. «Дым») или в циклическую (например, Он большой хлебосол и балагур; живёт, как говорится, в своё удовольствие; **зиму и лето** ходит в полосатом шлафроке на вате. «Два помещика»). Сема интенсивности форм множественного числа хрононимов способствует осознанию времени как разрушительной силы, стоящей над человеком, подчиняющей его себе (Да, да, **тяжёлые подошли времена!** «Дым»).

В произведениях И. С. Тургенева категории пространства и времени взаимодействуют в описательном и в повествовательном типах речи. Приведём лишь один пример.

В повествовании взаимосвязь категорий часто наблюдается в сильной позиции текста – в начале произведения. Она позволяет автору сразу локализовать незнакомого читателю героя или явление в пространстве и времени, динамично начать повествование (*Весною 1868 года, часу в первом дня, в Петербурге, взбирался по чёрной лестнице пятиэтажного дома в Офицерской улице человек лет двадцати семи, небрежно и бедно одетый.* «Новь»). В этом предложении семантика пространства и времени находят своё выражение на всех уровнях языковой системы (разумеется, не всегда в тексте можно обнаружить все средства выражения категорий пространства и времени).

Лексемы со значением ‘сезонное время’ (*весною*), ‘единицы измерения времени’ (*час, год*), ‘единицы суточного времени’ (*день*), ‘точная дата’ (*1886*), ‘возраст’ (*двадцать семь*), ‘линейный порядок следования единиц времени’ (*первый*) «параметризуют» время и организуют его по двум моделям – циклической и линейной. Пространство структурируется с помощью локонимов со значением ‘административно-политического членения территории’ (*Петербург, Офицерская улица*), ‘здание, помещение’ (*дом, лестница*). В его структурировании участвуют номинации, относящиеся к группам слов ‘признак, обозначающий организацию закрытого пространства по вертикали’ (**пятиэтажный**), ‘перемещение в пространстве по вертикали’ (**взбираться**).

На словообразовательном уровне производная структура синкретичного слова *весной*, образованного по транспозиционной словообразовательной модели, актуализирует временной отрезок циклического характера. Семантическая компрессия, возникшая в результате создания прилагательного *пятиэтажный* с помощью основосложения с суффиксацией, помогает маркировать отличительный признак объекта закрытого пространства.

Особенности субкатегориальных сем нарицательных конкретных существительных *час, день, год*, порядковых числительных *тысяча восемьсот шестьдесят восьмой, первый*, количественного числительного *двадцать семь* придают категории времени конкретность (локализуют действие и человека в строго определённом времени). Топонимы *Петербург, Офицерская улица* индивидуализируют пространство, делают вымышленный мир правдоподобным, используются в миромоделирующей, мистифицирующей, сюжетобразующей функциях.

Сингулярные формы числа хронимов в значении единичности выделяют на оси времени единственную точку, в которой совпадают три временные координаты (час, день, год). Формы единственного числа локонимов фиксируют на художественной карте определённые, постепенно сужающиеся зоны пространства, ограниченные одним местом из многих (один конкретный город, одна определённая улица, один дом, одно помещение).

Формы родительного падежа существительных *года, дня*, реализуя в словосочетаниях *весною 1868 года, часу в первом дня* симбиоз определительного значения и значения 'часть целого', на разных языковых уровнях маркируют взаимосвязь в языковой художественной картине мира И. С. Тургенева линейной (за счёт лексической семантики зависимого слова *год*) и циклической (за счёт лексической семантики слов *весной, день* и грамматической семантики форм родительного падежа 'часть целого' хронимов *года, дня*) моделей времени. Предложно-падежные формы локонимов *в Петербурге, в Офицерской улице, по лестнице* с обстоятельственным значением определяют место действия. Форма родительного падежа существительного *дома* в словосочетании *по лестнице дома* с синкретичным значением, объединяющим определительную сему с семой части целого, способствует вычленению в закрытом пространстве здания его части.

Несовершенный вид глагола *взбирался* подчеркивает длительность и трудность преодоления пространства, поскольку оно организовано по вертикали.

Точное ограничение пространства и времени находит свое выражение в синтаксических средствах – прежде всего в обстоятельствах времени (*весною, в первом часу*) и места (*в Петербурге, в Офицерской улице, по лестнице*), которые на уровне синтаксиса манифестируют категории времени и пространства.

Выводы. Таким образом, анализ языковых средств разных уровней, функционирующих в языковой художественной картине мира И. С. Тургенева, позволяет сделать следующие выводы:

1) структурно-семантическая категория пространства – это семантика протяжённости, места, выраженная разноуровневыми средствами языковой системы;

2) структурно-семантическая категория времени – это семантика длительности, выраженная разноуровневыми средствами языковой системы;

3) категории пространства и времени – это структурно-семантические категории реляционного типа, которые обладают следующими признаками:

– это онтологические категории, оказывающие влияние на формирование самых разнообразных картин мира человека, в том числе языковой художественной;

– это антропоцентричные категории, отражающие особенности мировидения, мироотношения, мировоззрения человека и участвующие в построении изоморфных человеку пространственных и темпоральных моделей, отношение к которым всегда субъективно и эмоционально окрашено;

– они воплощаются в языке разнообразными средствами;

– в основе категорий пространства и времени лежат реляционные схемы.

Пространственные и временные отношения можно обозначить реляционной схемой: **O (l/t) + r + Sp (l/t)**, где O (l/t) – локализуемый в пространстве или времени

объект, Sr (l/t) – пространственная или временная сфера локализации; r – пространственные или временные отношения, связывающее объект и сферу локализации;

– категории пространства и времени представляют собой систему оппозиций, реализующуюся на разных языковых уровнях. Категория пространства может быть представлена следующими понятийными оппозициями: наличие – отсутствие в пространстве, сопространственность – несопространственность, заполненность – незаполненность, статичное – динамичное пространственное отношение, трасса движения – один из пунктов движения, конечный пункт («финиш») – исходный пункт движения («старт»), присутствие – отсутствие «пространственных рамок», вертикальное – горизонтальное пространство. Оппозитивность категории времени, с одной стороны, проявляется в соотношении временных планов «прошлое» – «настоящее» – «будущее», с другой – в объединениях слов, построенных на семантическом противопоставлении («тогда – сейчас», «всегда – никогда», «вовремя – не вовремя», «день – ночь» и др.);

4) подход к категориям пространства и времени с позиций структурно-семантического направления как к многоаспектным явлениям позволяет дать комплексное, системное их описание, выявить закономерности их функционирования в художественном тексте, особенности пространственного и временного моделирования художественной действительности в языковой художественной картине мира.

Список литературы

1. Аюпова С. Б. Топонимическое пространство в языковой художественной картине мира прозы И. С. Тургенева / С. Б. Аюпова // Русский язык в контексте национальной культуры : [материалы Международной научной конференции, Саранск, 27–28 мая 2010 г.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – С. 118–123.
2. Аюпова С. Б. Функции топонимов в языковой художественной картине мира И. С. Тургенева / С. Б. Аюпова // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 5(62). – С. 23–28.
3. Бабайцева В. В. Структурно-семантическое направление в современной русистике / В. В. Бабайцева // Бабайцева В. В. Избранное. 1955–2005 : [сборник научных и научно-методических статей] / [под ред. профессора К. Э. Штайн]. – М. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2005. – С. 455–466.
4. Бабайцева В. В. Изоморфизм и переходность явлений языка как системообразующие факторы / В. В. Бабайцева // Текст, Структура и семантика : [доклады XII международной конференции]. – Т. 1. – М. : ТВТ Дивизион, 2009. – С. 3–12.
5. Всеволодова М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский ; [изд. 2-е, доп.]. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
6. Николина Н. А. Филологический анализ текста : [учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений] / Н. А. Николина. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

Аюпова С. Б. Принципи опису структурно-семантичних категорій простору і часу мовної художньої картини світу / С. Б. Аюпова, В. Гюнеш // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 4, ч. 2. – С. 3–11.

У статті ставиться проблема категоризації мовної художньої картини світу. Мета роботи полягає у виявленні принципів опису структурно-семантичних категорій простору і часу художнього твору, у виділенні системи мовних засобів, що беруть участь у формуванні найважливіших компонентів художньої картини світу. Підхід до категорій простору і часу з позицій структурно-семантичного напрямку як до багатоаспектних явищ дозволяє дати комплексний, системний їх опис, виявити

**ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ ЯЗЫКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА**

закономірності їх функціонування в художньому тексті, особливості просторового і тимчасового моделювання художньої дійсності в мовній художній картині світу.

Ключові слова: мовна художня картина світу, І. С. Тургенев, простір, час.

Айупова С. В. The principles of description the structural-semantics categories of space and time of language's fiction's image of world / S. B. Ayupova, B. Gunes // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 4, part 2. – P. 3–11.

The problem of categorizing the linguistic artistic picture of the world is put in the article. A purpose of work is an exposure of principles of description of structural-semantic categories of space and time of artistic work, selection of the system of language means, participating in forming of major components of artistic picture of the world. Research of features of categorizing of linguistic artistic picture of the world allowed to draw conclusion that categories of space and time are in artistic work – it ontological and antropocentrichnye structural-semantic categories of relyacionnogo type, which possess next signs: 1) they are incarnated in a language various facilities; 2) relyacionnye charts lie in their basis; 3) they are the system of oppositions, realized on different linguistic levels. Going near the categories of space and time from positions of structural-semantic direction as to the multidimensional phenomena allows to give their complex, system description, expose conformities to law of their functioning in an artistic phototypograph feature of spatial and temporal design of artistic reality in the linguistic artistic picture of the world.

Key words: language's fiction's image of world, I. S. Turgenev, space, time.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.